«народных песен», о которых говорил первый издатель «Калязинской челобитной», и которые будто бы были прикреплены именно к этому монастырю, мы не знаем в записях, но зато есть сведения от близкого к событиям «Калязинской челобитной» времени — от первой четверти XVIII в., которые показывают весьма невысокий нравственный уровень калязинских монахов. Между 1718 и 1725 гг. иеромонах Калязина монастыря Маркелл Поморцев доносил угличскому воеводе о найденных им в монастыре глиняных формах для делания фальшивых бумаг.[1]

Однако, тема «Калязинской челобитной» имеет интерес далеко не только местный: нравы Калязинского монастыря в отношении пьянства не были единственными в своем роде в ту эпоху. Документы конца XVII в. раскрывают перед нами картину полного разложения монастырской жизни, и эта картина многими деталями совпадает с нарисованной в «Калязинской челобитной». Разница лишь в том, что расхищение монастырской казны и имущества, о котором мечтают калязинские монахи и которое станет для них возможным, если уберут «лихого архимандрита» и дадут им «доброго», в подлинных челобитных описывается в тех же подробностях, но производят его не «крылошане», а сама монастырская верхушка, начиная с архимандритов. Очевидно, в это время, выражаясь языком «Калязинской челобитной», было больше «доброго», чем «лихого» монастырского начальства. Эта историческая действительность, отраженная в документах, и наводит на догадку, не замаскировал ли автор нашей сатиры свой настоящий замысел: ограничивалось ли его намерение тем, чтобы осудить беспутных «крылошан», или он через их голову посылал упрек тем многочисленным архимандритам, игуменам, строителям и прочему монастырскому начальству, которое в это время своим «бесчинством» «запустошило» не один монастырь?

Особенно близко к «Калязинской челобитной» монастырские нравы второй половины XVII в. описаны в челобитной, поданной Стефаном Наумовым, которому по указу Алексея Михайловича «велено» было «быть у ево великого государя дела в Ферапонтове монастыре». Этот надзиратель, посланный из Москвы для наблюдения над монастырским хозяйством, во всех подробностях описывает поведение игумена Афанасия и его ближайших сотоварищей по управлению монастырем. Вот что доносит Наумов: «Игумен Афонасеи, покинув монастырь и братью и всех вотчинных крестьян... выехал из монастыря, живет того же монастыря в вотчине в селе Ситке с советники своими с казначеем старцем Авраамием да с конюшим

[1] См. рукопись собрания Вахрамеева № 703, XVIII в. — А. Титов. Рукописи славянские и русские, принадлежащие И. А. Вахрамееву, вып. II, М., 1892, стр. 494.